

УДК 947.6

**ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ И ПРОБЛЕМА ЕГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
В ПЕРИОД НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ БЕЛАРУСИ***канд. ист. наук, доц. Е.А. ГРЕБЕНЬ**(Белорусский государственный аграрный технический университет, Минск)*

Статья посвящена такому малоизученному аспекту нацистского оккупационного режима на территории Беларуси, как система землепользования. Немецкие власти жестко регулировали систему землепользования, рассматривая земельный фонд Беларуси как важный фактор экономической эксплуатации оккупированных территорий. Автор выдвигает гипотезу о том, что землепользование являлось одним из важнейших элементов стратегии выживания гражданского населения в условиях оккупационной действительности. Охарактеризованы нормативные акты оккупационной администрации, регулировавшие систему землепользования, реконструирована система налогообложения за право пользования землей для сельского и городского населения, система санкций за неуплату налогов и натуральных повинностей.

Несмотря на значительный временной промежуток, отделяющий нас от трагических событий второй мировой войны, колоссальный массив, посвященный ей публикаций, военная проблематика до сих пор остается актуальной для белорусской исторической науки. Невозможно создать целостную картину войны без изучения всех составляющих нацистского оккупационного режима, в частности проблемы регулирования землепользования. В статье рассматривается порядок и система регулирования землепользования городского и сельского населения.

Основная часть. Немецкие оккупационные власти в условиях затяжной войны были вынуждены уделять особое внимание системе землепользования для эффективного обеспечения продовольствием вермахта, рейха и гражданского населения на оккупированной территории Беларуси. На востоке Беларуси были сохранены колхозы, впоследствии трансформировавшиеся в общинные хозяйства, в западных районах доминировали индивидуальные крестьянские хозяйства.

На территории тыловой зоны группы армий «Центр» в соответствии с налоговым порядком «Центр» от 24.03.1943 проводилось обложение индивидуальных крестьянских хозяйств поземельным налогом в размере 20 руб. с гектара. Уплата налога предусматривалась двумя равными долями к 1 июня и 1 октября текущего года. В случае несвоевременной уплаты налога неплательщикам угрожала пеня в размере 10 % от суммы начисленного налога, а в случае преднамеренной неуплаты еще и штраф до 3000 руб. или тюремное заключение до 15 дней. В зависимости от качества земли поземельный налог мог варьироваться от 30 руб. с гектара (плодородная земля), до 20 руб. (средняя) или 10 руб. (не плодородная), но в целом по волости сумма исчислялась исходя из среднего плодородия земли в 20 руб. за гектар [1, л. 14 об.].

О размере поземельного налога в генеральном округе «Беларусь» можно судить по платежным документам. Например, в Миорской волости Браславского района житель дер. Через Фома Л. в 1942 году за 25 гектаров земли (из них 25,5 га первой категории, т.е. пахотная земля, огород) платил в два приема (15.05 и 15.11) 147 марок, или в среднем 5,8 марки (58 руб.) за гектар. Жительница дер. Суховерье той же волости Анна Т. тогда же за 5,2 гектаров земли платила 18,24 марки, или 3,5 марки за гектар. Скорее всего, налог был плавающим и начислялся с учетом качества земли. За несвоевременную уплату поземельного налога предусматривалась пеня в размере 4 % от суммы [2, л. 25, 25 об., 52, 52 об.]. В дальнейшем поземельный налог взимался на основании распоряжения рейхскомиссара Остланда от 18.10.1942. В 1943 году в аналогичных платежных извещениях в той же Миорской волости уже указывались ставки: за сад и огород 10 марок в год, за пахотную землю – 2, 2,5 или 3 марки за гектар в зависимости от категории земли. Размер пени устанавливался уже в 2 % [2, л. 186, 186 об.]. Аргументом для освобождения от уплаты земельного налога в глазах оккупационной администрации служил факт репрессий (конфискация урожая, имущества и т.д.) со стороны партизан [2, л. 183 – 184].

Граждане, пользующиеся земельными участками, но не занимающиеся сельским хозяйством, не облагались поземельным налогом. На основании распоряжения командующего тылом группы армий «Центр» от 18.02.1942 с городского населения, пользовавшегося земельными участками, взималась земельная рента: с застроенных земельных участков – 20 коп. за квадратный метр, с незастроенных – 5 коп. С участков, принадлежащих государственным (бюджетным) предприятиям, земельная рента не взималась, так же как и с земель, используемых предприятиями для ведения сельского хозяйства. Используемые частными лицами фруктовые сады и огороды не рассматривались как сельскохозяйственные земли, если их владельцы (рабочие, учителя, ремесленники) получали с них дополнительный источник дохода, продавая продукцию на рынке. В таких случаях вместе с налогом на продажу владельцы участков платили и

земельную ренту. Исключение составляли находившиеся в пределах города оранжереи, теплицы, обеспечивавшие городское население продукцией; они от уплаты земельной ренты освобождались. Земельная рента выплачивалась в два приема по 50 % от суммы; в случае несвоевременной уплаты неплательщику трижды могло выноситься предупреждение, причем после каждого начислялась пеня в размере 10 % от суммы платежа [3, л. 119 – 120].

В то же время граждане, имеющие огороды, были обязаны уплачивать натуральный сбор. Например, в г. Орше в 1942 году гражданин, имевший огород площадью 1900 квадратных метров, был обязан не позднее 12 декабря уплатить 270 кг картофеля или 540 кг овощей, или 27 кг зерновых, с огорода площадью 1475 квадратных метров – 142 кг картофеля или 284 кг овощей, или 14 кг зерновых [4, л. 10, 15].

О размере среднего земельного надела крестьян дают представление данные по дер. Гирьяны Миорской волости за 1943 год, где зарегистрировано 24 хозяина, которым принадлежало 113,4797 гектаров земли (в среднем 4,7 га на хозяйство), из них: 64,2569 гектаров пахотной; 31,9330 – сенокосов; 13,77334 – пастбищ; 3,5164 – пустошей [2, л. 101 – 106]. Земли распределялись по деревням волости [2, л. 114].

Распределение земель исходя из их качества, га

I категория		II категория		III категория	Всего	Начислено налогов
пахотная	сенокос	пахотная	лес			
1134,41	271,77	398,3	259,14	263,05	2326,67	3549,99

Для сравнения, в общине Бор Москаленятской волости Городокского района средняя величина пахотной земли крестьян составляла 4,87 гектаров [5, л. 44].

В западной части Беларуси, входившей до сентября 1939 года в состав Польши, доминировало подворное землепользование, поэтому в системе землепользования имелись специфические моменты, характерные только для данного региона. *Во-первых*, местной администрации приходилось регулировать процесс раздела земельных участков между родственниками. Так, в феврале 1942 года в Миорскую волостную управу поступило заявление Раймунда, Леоноры и Ансельмы П., проживавших в фольварке Мостище, которые после смерти родителей просили узаконить раздел земельного надела 39,8 гектаров (пашенная земля, сенокосы, пастбища, лес и пустоши) долями по 19,9, 9,95 и 9,95 гектаров. Три наследницы хутора Матюки после смерти матери добровольно разделили землю на три равные части по 1,2 гектаров. Раздел мог производиться также при жизни владельца земли. Например, гражданин Анисим Д. ходатайствовал перед местной администрацией о разделе земли (24,7 га) и, соответственно, земельного налога, между ним и его тремя сыновьями. Крестьянин С. в марте 1943 года произвел раздел имущества, выделив 3 гектара земли, скот и постройки своему зятю-примаку [2, л. 14, 18, 43, 54]. Интересно, что при добровольном разделе земли между родственниками земля делилась либо на равные доли, либо с небольшой разницей в пользу старшего наследника, причем сыновья и дочери получали равные доли. Заявления о добровольном разделе земли родственниками визировались подписями свидетелей [2, л. 42].

Во-вторых, крестьяне просили местную администрацию перерегистрировать числящуюся на них землю, и, соответственно, налоговые документы, на других лиц. Как правило, с такими просьбами обращались пожилые лица, которые фактически передали ведение хозяйства своим детям и стремились документально оформить данный факт [2, л. 41]. Очевидно, в ряде случаев налоговые постановления выписывались волостной администрацией достаточно формально на основании довоенных (польских или советских) документов, и даже в 1942 году местные власти не всегда были осведомлены относительно истинного владельца или пользователя земельного надела. Например, житель хутора Селище Миорской волости Владимир К. обращался в 1942 году к волостной администрации с просьбой зарегистрировать на его имя купленный им еще до войны хутор и выписывать на него налоговые документы, которые до сих пор приходят на имя прежних владельцев [2, л. 47]. В другом случае жители дер. Мёрки Заозерные Миорской волости Петр и Юлиан М. в совместном заявлении просили волостную управу разграничить платежные извещения, которые приходили на имя одного родственника, тогда как землей после произведенного раздела пользовался другой [2, л. 131].

В-третьих, ряд жителей региона апеллировал к местной администрации с просьбой перевести часть принадлежащих им земель в другую категорию, чтобы уплачивать меньший налог. Земля делилась на три категории: I категория – пахотная хорошего качества и сенокосы; II категория – пахотная худшего качества и лес; III категория – земля плохого качества (пустоши). Поскольку установленный размер налогов за разные категории земли (и деление на категории) был заимствован оккупационными властями еще с довоенного времени (размер налогов и категории были определены еще при польской власти), часть крестьян обращалась с просьбой к местной администрации о переводе части принадлежавших им пахотных земель во II или III разряд, чтобы платить меньший налог. Причем фактическое изменение ста-

туса земельного надела не означало, что это будет автоматически узаконено властью. Так, житель фольварка Пацово Миорской волости Антон Л. 14.07.1942 обратился к начальнику Миорского района с просьбой изменить статус принадлежащей ему земли. С его слов, 5 гектаров сенокосов, которыми он фактически пользовался и уплачивал с них налог, примыкали к участку вырубленного леса, и надлесничество запрещало ему использовать землю как сенокос (очевидно, по бумагам этот участок земли значился как лес). Крестьянин просил передать ему сенокосы [6, л. 69].

В некоторых случаях крестьяне могли отказываться от части принадлежащей им земли. Как правило, это касалось престарелых граждан, женщин, оставшихся без мужей. Например, в земельный отдел Новогрудской районной управы поступило заявление гражданки Надежды М., которая владела 32,045 гектарами земли, оставшейся после смерти мужа. Заявительница сообщала, что не в силах обрабатывать всю землю, фактически всей землей не пользуется, отдает ее в пользование другим лицам, и просила оставить за ней только 9,5 гектаров [7, л. 18, 18 об.].

Возможность пользоваться землей как залогом выживания в суровой оккупационной действительности нередко порождало многочисленные конфликты. Земельные комиссии местной администрации могли выделять гражданам земельные участки, находящиеся в пользовании других лиц, что приводило к конфликтным ситуациям (иногда с применением физического насилия) и судебным разбирательствам.

Например, в Сенненский мировой суд в августе 1943 года поступило заявление гражданина Т., который сообщал, что земельная комиссия отвела ему 0,05 га земли, из которой 0,025 га является частью усадьбы гражданина Л., который пожаловался в городскую управу на самовольный захват земли. Комиссия городской управы подтвердила права истца на землю, но ответчик захватил уже засеянную землю [8, л. 32]. Калининское районное управление 1.07.1943 направило в Мозырский мировой суд заявление гражданина В. об уничтожении посева картофеля. Предметом конфликта граждан дер. Александровка Калининского района стал участок болотной земли 0,051 гектара, засеянной ответчиком просом, которое было перепахано истцами и засеяно картофелем, вновь перепахано ответчиком под посев гречихи. Ответчик заручился справкой местной администрации, что спорная земля не принадлежит ни одной из сторон, минуя суд и местную администрацию, апеллировал напрямую к Мозырскому областному комиссару [1825,1,1, л. 61 – 68].

Земельные споры граждан могли затрагивать интересы учреждений и крестьянских общин.

Например, в Мозырский мировой суд 14.05.1943 обратился Мозырский лесхоз, отстаивавший право лесника Д. на земельный надел, запаханный жителями дер. Староселье Ельского района. Лесхоз констатировал многочисленность подобных фактов и отмечал, что земля принадлежит лесничеству, а не крестьянской общине [9, л. 69].

Могилевский мировой суд 7.05.1943 приговорил к 5 суткам ареста гражданку Ирину Ч. за самовольный захват и засев картофелем участка земли, переданного Могилевским городским управлением в аренду гражданину Р.; урожай картофеля был присужден законному арендатору [10, л. 8]. В июле 1943 года Могилевский суд рассматривал дело о земельном конфликте, возникшем вследствие ошибки городского земельного отдела, сдавшего в аренду участок двум гражданам одновременно. Впоследствии бургомистр Могилева, рассмотрев в порядке надзора решение суда, изменил его, постановив выплатить истцу 450 руб. компенсации из кассы городского управления [10, л. 26]. Могилевский земельный отдел 25.05.1944 вынес вердикт оштрафовать на 1000 руб. жительницу дер. Дубенец Краснопольской волости Марию Х. за самовольный захват земли и не подчинение старосте деревни и на такую же сумму старосту за нанесение ей побоев, очевидно, в ходе земельного конфликта [11, л. 13].

Имели место конфликты по поводу раздела общинных земель. В мае 1942 года в Борковичскую волостную управу Дриссенского района поступила жалоба на не справедливый раздел дополнительной земли под огороды. Было заявлено, что крестьяне получили лучшие земли, расположенные вблизи деревни, а рабочие – худшего качества и далеко. Тем не менее в наложенной на жалобу резолюции начальника района отмечалось, что рабочим-железнодорожникам земли под огороды полагаются только в железнодорожной полосе. Таким образом, проживавшие в одном населенном пункте крестьяне и рабочие обладали разными правами в плане землепользования [12, л. 74].

Земельные конфликты периода оккупации являлись наследием процессов периода коллективизации, когда земля переходила в пользование колхозов или других лиц. В годы оккупации граждане, считавшие себя ущемленными советской властью, пытались подвергнуть ревизии сложившуюся в системе землепользования ситуацию. Например, с лета и до конца 1942 года длилась тяжба между гражданами К. и Б. – жителями Крупецкой сельской общины Добрушского района. В ходе разбирательства дела в Добрушском мировом суде выяснилось, что К. вступил в колхоз и перенес туда усадьбу, а земля с 1938 года была передана Б. колхозом. В результате суд постановил взыскать с истца гражданина Б. 5 пудов ржи за украденный урожай и 25 руб. пошлины. Тем не менее Гомельский областной суд как вышестоящая инстанция 30.12.1942 отменил решение Добрушского мирового суда на основании того,

что земельные споры разрешаются только крайсландвиртом, и мировой суд не имел права принимать дело в производство [13, л. 1 – 11].

Бывшие собственники требовали возврата своих земель еще и по причине распоряжений немецких военных властей в самом начале оккупации. В первые недели оккупации, когда власть на всей захваченной территории Беларуси находилась в руках вермахта, а направления оккупационной политики не были еще четко определены, в ряде случаев военные власти могли принимать решения о возврате национализированной собственности, что в дальнейшем противоречило немецкой оккупационной политике в этом вопросе. В ноябре 1941 года на имя начальника Клецкого района поступила жалоба гражданки Сабинь Г., которая сообщала, что советская власть забрала у нее 5 гектаров пахотной земли, 17 гектаров сенокоса, скот, постройки. Немецкие военные власти позволили ей пользоваться национализированной землей, но не отдали построек, перешедших к больнице. Во время уборки урожая с этой земли претензии на нее предъявил заведующий больницей, в результате гражданка апеллировала к начальнику района. Тем не менее в данном ей ответе глава районной администрации сообщал, что на основе приказа немецких властей национализированная собственность не возвращается [14, л. 5, 5 об.].

Предметом разбирательства мировых судов нередко являлся вопрос о принадлежности права на урожай. В судебной практике иногда встречались необычные ситуации. Гражданка А. подала исковое заявление в Добрушский мировой суд относительно права на урожай. Из заявления следовало, что при засеве земли наемными работниками ее дочь ошибочно указала им надел соседа, который был удобрен и засеян. Истица требовала от него 20 фунтов ячменя, возврат удобрения и право снять урожай осенью. Ответчик заявил, что признает право на зерно, которое согласен вернуть, но отказался вернуть удобрение, поскольку его земля была хорошо удобрена, и не желал взамен засеять земельный надел истицы. Суд признал право истицы на урожай с земли соседа, а ему предложил обработать землю истицы [15, л. 2 – 7 об.].

Немецкие оккупационные власти стремились максимально полно и рационально использовать наличный земельный фонд. Речицкий гебитскомиссар со ссылкой на приказ рейхскомиссара Украины от 29.01.1943 предписывал всем начальникам районов Речицкого округа сдавать под посевы и огороды все свободные участки земли. От заведующих предприятиями требовалось подавать заявления на земельные участки, причем отмечалось, что те руководители, которые не заботятся о возможности пропитания для своих работников, будут считаться злостными вредителями [16, л. 26]. Учитывая мизерный размер продуктового пайка для городского населения, оккупационные власти стремились переложить тяжесть снабжения продуктами на самих же горожан. По сути, белорусские города в период нацистской оккупации в некоторой степени начали приобретать полуаграрный характер, трансформировались в местечки, учитывая массовый процесс вовлечения городского населения в занятие земледелием.

В Вилейском районе местная администрация сдавала свободные государственные земли в аренду на один сезон из расчета: в 1942 году 10 марок за договор независимо от характера используемой земли; в 1943 году арендная плата за огороды составляла 3 коп. за квадратный метр, за пахотные земли и сенокосы – по 4 марки за гектар, плюс предусматривалась выплата натурального налога в пользу оккупационных властей [17, л. 217]. В типовом бланке договора на аренду земли на 1943 год отмечалось, что при заключении договора на аренду пахотной земли необходимо заплатить 15 марок за арендуемый гектар и при сборе урожая вносить натурального налога по 50 кг зерна и 25 кг соломы с гектара; при аренде сенокоса уплачивался разовый сбор 15 марок с гектара и при сборе урожая 100 кг сена. Предусматривалась возможность продления договора на год и его расторжения ранее обозначенного срока, если земля будет возвращена гражданином или понадобится государству (в последнем случае предусматривалась выплата компенсации за внесенный налог, произведенные посевы) [17, л. 58]. В Вилейке за период с 1.09.1942 по 1.06.1943 было сдано в аренду огородов общей площадью 94029 квадратных метров на сумму 232,09 марок (по цене 3 коп. за м²) [18, л. 1].

Порядок получения земельных участков устанавливался городскими управлениями. В Орше 26.03.1943 городским управлением была издана Инструкция по отводу земельных участков под сезонные огороды на 1943 год. Приоритет отдавался рабочим и служащим районного и городского управлений, сотрудникам полиции и лицам, работавшим при воинских частях и на железной дороге. Гражданам, получившим в 1942 году участки под посевы озимых, дополнительные участки под огороды весной 1943 года могли быть предоставлены лишь при наличии свободной земли. Лицам, не сдавшим натуральный сбор с огородов в 1942 году, земельные участки не предоставлялись. Если же у таких граждан уже были участки, предоставленные осенью 1942 года, их следовало изымать, если они не были засеяны. Если же участки этих граждан были засеяны, то они оставались в их пользовании, но самих граждан предписывалось привлекать к принудительным работам сроком до 14 дней за невыполнение натурального сбора. У горожан, которые ранее произвели самовольную запашку и засев земли, не менее половины их земли изымалась и предоставлялась безземельным гражданам. Неработающему населению земля предоставлялась в последнюю очередь и при наличии свободных участков. Горожанам, имеющим лошадей, земельные участки отводились на целинных землях, которые требовали больших усилий при их обработке. Лицам,

проживающим в деревне (например, прибывшие в город погорельцы), земля в черте города не предоставлялась, так как они могли ее получить по месту постоянного жительства [19, л. 1]. При наделении горожан земельными участками в льготном порядке (например, два участка предоставлялись одной семье) принимался во внимание факт работы одного из членов семьи в Германии [20, л. 22].

Заслуживает внимание Служебное указание № 4 по проведению нового земельного порядка Германского главного земельного управления от 3.04.1943. Документ касался порядка наделения городского населения землей для обеспечения картофелем. Местной администрации предписывалось в обязательном порядке наделить землей все городское население для самостоятельного обеспечения картофелем и другими овощами. Исключение составляли города с населением свыше 30000 чел. Здесь вступление в силу данного документа откладывалось на год по причине неуказанных возможных затруднений (предположительно, дефицита земли), но если местная администрация была в силе их устранить уже теперь, то постановление начинало действовать и в таких городах. Регламентировался порядок наделения землей. Предписывалось выделять 1 гектар на 25 – 30 чел., включая детей, иждивенцев и других неработающих граждан, причем рекомендовалось «не быть мелочными». Держатели земель освобождались также от уплаты натурального налога (военного сбора). Подобная «щедрость» оккупационных властей основывалась на конкретном интересе: все городское население рассматривалось как находящееся на самоснабжении и с осени 1943 года полностью лишалось права на снабжение картофелем по продуктовым карточкам. Таким образом, немецкие оккупационные власти еще более перекладывали заботу о пропитании на самих же граждан, включая иждивенцев.

Несмотря на кажущуюся упорядоченность системы землепользования, граждане зачастую игнорировали установленные оккупационными властями правила. В приказе по Добрушскому городскому управлению от 22.04.1942 отмечалось, что некоторые граждане г. Добруша самовольно производят захват земли под посев без ведома инвентаризационно-технического бюро [21, л. 21]. При отводе земель под огороды в Орше городская администрация сталкивалась с тем, что отведенный конкретному лицу участок уже кем-то засеян [22, л. 2]. Та же картина видна и в постановлении Осиповичского районно-городского управления от 30.03.1944. В нем отмечалось, что часть городского земельного фонда используется не законно, без разрешения администрации, имеются случаи захвата уже сданных в аренду другим лицам участков, чужих посевов, сдача в аренду другим лицам арендованных у районно-городского управления участков (субаренда). В очередной раз администрация указывала на то, что занимать земельные участки можно только при наличии квитанции городского управления, произведенные на незаконно захваченных участках посева будут считаться собственностью организации «Белорусская Самопомощь» или использованы для помощи нуждающемуся населению города. Организации БСП или городскому управлению переходили также посева семей граждан, ушедших в партизаны, посева семей полицейских и рядовых граждан, уехавших на работы в Германию. Устанавливался последний срок заявки на право пользования горожанами своими участками – 10 апреля 1944 года. Населению предлагалось сообщать властям обо всех случаях незаконного землепользования [23, л. 19, 19 об.].

Городское население, вынужденное в суровых условиях оккупационной действительности заниматься огородничеством, могло не иметь семян для засева земельных участков. В таких случаях ссуду семян можно было взять в городском управлении, уплатив позднее проценты с нее. Жительница Орши гражданка Ч., взявшая в 1943 году ссуду семян ячменя (17,6 кг), должна была не позднее 15 ноября возвратить ее городскому управлению с 10-процентной надбавкой. В случае не возврата к указанному сроку начислялась пеня в размере 1 % от ссуды за каждый просроченный день [24, л. 150].

Использование земель, находящихся в городской черте или сельской местности, регулировалось коллаборационной администрацией на основе распоряжений немецких властей. Речицкое городское управление и крайсландвирт запрещали посева озимых в городской черте под угрозой конфискации посевов и лишения граждан права землепользования [25, л. 3]. Очевидно, городские земли рассматривались исключительно как земли для огородов. Дриссенская районная управа в мае 1943 года предписывала волостным бургомистрам оповестить население, что все заливные луга в текущем году должны быть использованы как сенокосные угодья, пастьба скота на них строжайше воспрещена, а в случае нарушения захваченный там скот надлежит сдавать на скотобойни как бесхозный [26, л. 12].

Стремившиеся обработать как можно большую площадь земли (как залог физического выживания благодаря выращенным продуктам) крестьяне часто использовали земли, находившиеся в непосредственной близости к шоссе и дорогам. В советское время земля полосой 32 м по обе стороны дороги находилась в распоряжении дорожных управлений, тут складировались стройматериалы, находились снегозащитные заграждения, выпасались лошади дорожного управления и, соответственно, они не использовались для ведения сельского хозяйства, а на границе с колхозными землями устанавливались межевые камни. В период оккупации крестьяне часто несанкционированно их использовали. В результате немецкие власти отмечали, что статус этих земель не изменился, и их использование не является законным [20, л. 26].

После проведения карательных операций уцелевшие от расправы немцев крестьянские общины сталкивались с проблемой бесхозных («бросовых» – по терминологии коллаборационной администрации) посевов. Такие земельные участки могли также возникать и в результате ухода граждан в партизаны целыми семьями. В таких случаях конкретным гражданам с разрешения немецких властей разрешалось снять урожай с этих земель [27, л. 55].

Заключение. Возможность пользования земельным наделом стало для гражданского населения важным фактором выживания в тяжелейших условиях оккупационной действительности. Тотальный дефицит продовольствия вынуждал значительную часть городского населения заниматься земледелием. Немецкие власти жестко регулировали систему землепользования, рассматривая земельный фонд Беларуси как важный фактор экономической эксплуатации оккупированных территорий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Могилевской области. – Фонд 259. – Оп. 1. – Д. 9.
2. Государственный архив Витебской области. – Фонд 2840. – Оп. 1. – Д. 1.
3. Государственный архив Минской области. – Фонд 1604. – Оп. 2. – Д. 4.
4. Государственный архив Витебской области. – Фонд 2074. – Оп. 1. – Д. 30.
5. Государственный архив Витебской области. – Фонд 2086. – Оп. 1. – Д. 8.
6. Государственный архив Витебской области. – Фонд 2841. – Оп. 1. – Д. 1.
7. Государственный архив Гродненской области. – Фонд 610. – Оп. 1. – Д. 10.
8. Государственный архив Витебской области. – Фонд 2139. – Оп. 1. – Д. 1.
9. Государственный архив Гомельской области. – Фонд 1825. – Оп. 1. – Д. 1.
10. Государственный архив Могилевской области. – Фонд 260. – Оп. 1. – Д. 60.
11. Государственный архив Могилевской области. – Фонд 261. – Оп. 1. – Д. 1.
12. Государственный архив Витебской области. – Фонд 2833. – Оп. 1. – Д. 1.
13. Государственный архив Гомельской области. – Фонд 1320. – Оп. 1. – Д. 44.
14. Государственный архив Минской области. – Фонд 1538. – Оп. 1. – Д. 8.
15. Государственный архив Гомельской области. – Фонд 1320. – Оп. 1. – Д. 10.
16. Государственный архив Гомельской области. – Фонд 1326. – Оп. 1. – Д. 4.
17. Государственный архив Могилевской области. – Фонд 4218. – Оп. 1. – Д. 11.
18. Государственный архив Могилевской области. – Фонд 4218. – Оп. 1. – Д. 22.
19. Государственный архив Витебской области. – Фонд 2074. – Оп. 2. – Д. 235.
20. Государственный архив Витебской области. – Фонд 2074. – Оп. 2. – Д. 2.
21. Государственный архив Гомельской области. – Фонд 1318. – Оп. 1. – Д. 2.
22. Государственный архив Витебской области. – Фонд 2074. – Оп. 2. – Д. 4.
23. Государственный архив Могилевской области. – Фонд 845. – Оп. 1. – Д. 9.
24. Государственный архив Витебской области. – Фонд 2074. – Оп. 2. – Д. 37.
25. Государственный архив Гомельской области. – Фонд 1326. – Оп. 1. – Д. 1.
26. Государственный архив Витебской области. – Фонд 2833. – Оп. 1. – Д. 2.
27. Государственный архив Витебской области. – Фонд 2086. – Оп. 1. – Д. 9.

Поступила 06.06.2011

LAND USE AND THE PROBLEM OF ITS REGULATION DURING THE NAZI OCCUPATION OF BELARUS

Y. HREBEN

This article is devoted to such an insufficiently explored aspect of the Nazi occupation on the territory of Belarus as a land-use system. The author hypothesizes that the land use is an essential element of the strategy of survival of the civilian population in the harsh conditions of occupation reality. The normative acts of the occupation administration that regulated the system of land use are characterized, the tax system for the right of use of a land parcel for rural and urban population and the system of penalties for non-payment of taxes and natural duties avoidance are reconstructed in the article.